Даже когда Эдит была под подозрением, она оставалась спокойной и хладнокровной, анализируя дело.

Тот факт, что комната Лизе была пуста, был чем-то, к чему Киллиан и Клифф также относились болезненно.

Он сказал Эдит, что она была пуста лишь короткое время, но на самом деле там долго никого не было.

Но тот факт, что Эдит, которая не могла этого знать, так быстро заподозрила торговца, заставил Киллиана понять, что она не могла быть виновницей.

Если бы Эдит была глупой отравительницей, какой ее считали Людвиги, она бы запуталась и придумала кучу оправданий, когда ее обвинили.

Но Эдит вела себя спокойно, как будто это не имело к ней никакого отношения, и ее последующие рассуждения были правдоподобны.

Все сходилось воедино, когда она заподозрила, что за этим стоит граф Синклер.

Они ненавидят и Лизе и Ригельхоффов.

Если бы Эдит была причиной смерти или увечья Лизе, Синклеры могли бы использовать безопасность Лизе как предлог, чтобы вытянуть что-нибудь из Людвигов.

‘Если это правда… Эдит подозревали и оскорбляли, хотя она ни в чем не была виновна’.

Эдит всегда утверждала, что она не была виновницей, но ее часто называют единственной подозреваемой.

Что, если это была уловка Синклеров…?

От одной этой мысли у Киллиана перехватило дыхание.

Возможно, именно поэтому он был так слеп к простым предположениям.

Но было слишком рано приносить извинения. Еще ничего не было раскрыто.

Вместо этого я просто продолжал с ней спорить.

Странная вещь, но чем больше я разговаривал с Эдит, тем больше мне хотелось поцарапать ее изнутри, спровоцировать ее, бесстыдно противостоять ей.

“Не думай, что я многого не знаю, ты задел мою гордость”.

“Я предложила рискнуть своей жизнью, а ты мне не поверил. Можешь себе представить, что я чувствовала?”

“Я тоже верю в тебя и герцога, хотя, честно говоря, не думаю, что ты сочтешь меня стоящей таких усилий”.

То, как Эдит отреагировала на грубую провокацию, не потеряв самообладания, было, прямо скажем, очаровательно.

‘Она всегда была такой?’

Я знал ее только по слухам.

И этого мне было достаточно.

Я признаю это. Я был высокомерен.

Эдит, с которой он встретился лицом к лицу, когда они готовились пожениться, была совсем не похожа на ту Эдит, о которой ходили слухи.

За исключением ее чувственной, соблазнительной внешности, конечно.

“Я Эдит Людвиг. Ты думаешь, я буду ревновать к другой женщине только потому, что хочу мужской любви? Не пойми меня неправильно”.

Когда Эдит насмешливо подняла подбородок, Киллиан не смог удержаться и поцеловал ее, что было даже более волнующим, чем “слухи”, которые он слышал.

Если бы он сдерживался еще немного, то, возможно, повалил бы Эдит на пол и вцепился в нее, как зверь.

Кризис был замят под нелепым предлогом “Я просто хотел”, но его жалкая похоть никуда не делась, она просто ждала подходящего времени.

Когда он услышал, что с сегодняшнего дня испытательный срок Эдит отменен, он ждал у офиса Ренона как раз вовремя, чтобы увидеть ее за работой.

Он хотел проведать ее под видом случайного совпадения.

‘Я просто зайду и попрошу показать мне налоговые квитанции поместья Райзен за последний год. Это было бы вполне естественно’.

Даже когда он придумывал это оправдание, он не понимал, что с ним что-то не так.

Сделав несколько глубоких вдохов, он медленно и бесшумно открыл дверь в кабинет, и то, что он увидел в проеме, заставило его выпрямиться во весь рост.

“Прости, просто дай мне немного времени, это прекратится, это скоро прекратится”.

Эдит плакала.

Ее слезы текли так быстро, что она выглядела смущенной и попыталась убежать.

Ренон подошел к ней.

“Вам не нужно подавлять свои эмоции, как будто за вами охотятся. Если вы не дадите им волю, в какой-то момент они обязательно вырвутся наружу”.

“Ренон…”

“Вы работали так быстро, что времени у вас предостаточно, так что можете делать это так медленно, как вам нравится”.

С этими словами Ренон протянул ей носовой платок и вернулся к своей работе небрежно, как взрослый человек.

Эдит уткнулась лицом в носовой платок Ренона за колонной и на мгновение замерла, сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

И прежде чем покинуть колонну, Эдит потренировалась приподнимать уголки рта в улыбке, точно так же, как она делала это за углом особняка Эрмениа…

“Сейчас я в порядке, спасибо за понимание, Ренон. Что мне делать дальше?”

Ее улыбка вышла гораздо более естественной, чем она практиковалась, и она взяла задание у Ренона.

Киллиану это не удалось, и он отступил.

‘Это была… тренировка улыбки’.

На базаре, после ухода Шейна, он увидел, как она странно улыбается перед зеркалом, и задался вопросом, какого черта она делает.

Ее глаза совсем не улыбались, но она изо всех сил старалась приподнять уголки рта.

'Она… практиковала свою улыбку'.

Я вспомнил, как Эдит вышла из-за угла и беспечно улыбнулась.

У меня скрутило живот.

Моя голова, которая была в порядке в течение нескольких дней, снова начала болеть.

Киллиан сильно надавил на пульсирующий висок и попытался думать о чем-нибудь другом.

Первое, что пришло ему на ум, это Ренон, протягивающий Эдит носовой платок.

‘Могло ли быть так, что Ренон соблазнил Эдит? Нет, ни в коем случае… он просто вел себя как джентльмен. Он достал носовой платок только потому, что Эдит плакала. Эдит соблазнила Ренона'.

По своей привычке мысль о том, чтобы не делать выговор Эдит, усилила головную боль.

Он этого не осознавал, но его инстинкт, избегая боли начал обвинять Эдит, чтобы уберечь себя от мигрени, думая о ней.

‘Я так и знал. Мужчины слабы перед женскими слезами, и Ренон не был бы застрахован от этого, так что да, Эдит плохая’.

Киллиан продолжал повторять, “Эдит плохая”, как будто пытаясь убедить самого себя.

У него на некоторое время прошла головная боль, но это не было главной причиной, по которой он чувствовал себя плохо.

Поэтому он боролся с пульсирующей головной болью и думал о том, почему ему плохо.

В конце своих размышлений он был вынужден встретиться лицом к лицу со своими истинными чувствами, которые были немного неловкими.

‘Как ты могла бросить меня и соблазнить Ренона?’

В ту ночь, которую мы провели вместе, ты прильнула ко мне с таким пылом, но после этого ты не подошла ко мне, и мне пришлось поцеловать тебя, чтобы ты мне открылась.

‘Ты выбросила меня… после того, как съела…?’

Эту фразу использовали только развратные мужчины, но это было все, что я смог придумать.

Я старался не выглядеть смешным в глазах Эдит, но она, казалось, видела меня насквозь.

‘Я совершил ошибку. Я отнесся к ней слишком легкомысленно’.

Как только он избавился от мысли, что Эдит глупа, все, что он делал в ее присутствии, казалось ошибкой.

Киллиан размышлял об этом до наступления ночи, и когда слуги начали выключать свет в коридоре, он больше не мог этого выносить.

Он вскочил на ноги и ворвался в комнату Эдит, прогоняя с дороги испуганных горничных и неоднократно оскорбляя Эдит.

Выражение ее испуганных и невежественных глаз было отвратительным… и странно милым.

Поэтому он поцеловал ее в шею и отвел взгляд.

Как раз в тот момент, когда он подумал, что от аромата ее роз у него закружится голова от возбуждения, он замер при виде чего-то, чего не мог понять.

‘Что это?’

Плечи Эдит по-прежнему были круглые и гладкие.

Но ее плечи, которые должны были светиться белизной в темноте, казались покрытыми темными синяками, чем дальше они отходили от края одежды.

Это были не те синяки, которые можно получить, случайно наткнувшись на что-то.

Зеленые и фиолетовые гематомы выглядели так, словно были там несколько дней.

“Киллиан, э-это… я имею в виду…”

Эдит попыталась придумать какое-то оправдание, но одного взгляда на ее спину было достаточно, чтобы Киллиан ей не поверил.

Она тоже сдалась и больше ничего не сказала.

Она даже не ответила на вопрос, кто это сделал, но Киллиану этого было достаточно.

Если бы это было из-за подчиненных Людвигов, не было причин, по которым Эдит не могла ответить.

И до сих пор эта напыщенная служанка Ригельхоффов не сделала ни единого заявления.

В нем поднимался гнев, и внезапно голосом, таким же слабым, как ее хватка за подол его рубашки, Эдит взмолилась,

“Киллиан… Я знаю, что это… неуместно в данной ситуации, но не мог бы ты просто… обнять меня?”

“Это для того, чтобы отвлечь меня?”

“Нет, это не так, это просто… просто… просто, потому что я хочу…?”

У него создалось впечатление, что глаза Эдит были влажными, хотя она и не плакала.

Он не мог понять, почему Эдит захотела прикрыть горничную, соблазнив его своим покрытым синяками телом.

Возможно, у нее были на то свои причины, но Киллиан никогда не мог ее простить.

“Я не настолько чудовище, чтобы обнимать женщину, покрытую синяками, просто спи спокойно этой ночью”.

С этими словами он пошел прямо в свою комнату и нашел мазь от синяков. Ему пришлось немного остыть, прежде чем вернуться в комнату Эдит.

http://tl.rulate.ru/book/106397/3839746